

Надежда Калинина

Марш на поле

Надежда Калинина

Марш на поле

<https://litres.ru/74635232>

SelfPub; 2026

Аннотация

Поехать на картошку! Кто из рожденных в Советском Союзе не знает этого выражения? Помогать колхозам собирать урожай были обязаны все - от школьников до докторов наук. Только школьников туда возили на один день, а студентов - на месяц, минимум.

Именно там, в совместном труде, в непростых бытовых условиях зарождались крепкая многолетняя дружба и первая любовь, именно там проявлялись характеры, а иногда - обнажались пороки.

Об одной такой забавной поездке студентов на картошку вся эта история. Она похожа на многие другие и в тоже время так не похожа ни на одну из них

Содержание

Предотъездная линейка	4
Посадка в поезд	10
Ответственный за быт	14
Встреча с кураторами	19
Клуб, который Клубень	25
Жизнь на сцене	31
Шкафчик Трах-Бах	38
А где же колхозники?!	42
Буратиний суп, или рассольник «Комбайн по- колхозному»	47
Не желаете ли согреться?	52
А ты молоток, ответственный!	60
Три шишкаря	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Надежда Калинина

Марш на поле

Предотъездная линейка

Это случилось в те стародавние времена, когда студенческая жизнь начиналась с поездки на уборку урожая для помощи труженикам села. В самом конце августа счастливицов, поступивших на Технологический факультет старейшего в городе вуза, собрали во дворе первого корпуса на линейку. Явка была строго обязательной, поэтому пришли почти все – суммарно, около трех сотен человек. Никто толком не знал повестку дня этого собрания, ребята переминались с ноги на ногу, между собой не разговаривали – не успели ещё познакомиться. Вскоре из дверей главного входа показался декан Технологического факультета Илья Семёнович Мильман – высокий, худощавый, но уже выдающийся в области живота человек, с носом, напоминающим клюв стервятника и быстрыми птичьими глазками под дремучими нависшими бровями.

- То, что вам вскоре предстоит – дело ответственное, прошу отнестись со всей серьёзностью. Колхоз необходим для сплочения коллектива, - без предисловий, сыто улыбаясь, провозгласил он, споро вскарабкавшись на небольшую три-

буну, установленную рядом с крыльцом и обтянутую кусом алой материи.

Мильман отечески обвёл взором лица сумрачно глазающих на него вчерашних абитуриентов. Энтузиазма такое начало студенческой жизни ни у кого не вызывало. Кто-то в задних рядах обречённо присвистнул – негромко, но так, чтобы декан непременно услышал.

- В колхозе вы обретёте чувство локтя, сможете хорошенько узнать друг друга. Там закладываются самые крепкие узы дружбы, - уловив общее настроение, Мильман слегка зачистил, сиюсь подобрать нужные вдохновляющие слова. Его глаза полыхнули подзабытым комсомольским задором.

- За воротник там закладывают. Эти самые узники дружбы! - прополз из студенческой массы чей-то ехиднёнький шёпоток.

Стоящие рядом грохнули от смеха, декан нахмурился, поняв, что воодушевить этих ребят будет непросто.

- В общем, завтра, чтобы все как штык были на вокзале. Сбор в 19-00 возле пригородных касс, - переключился он на деловой и чуть сердитый тон,

- И чтобы никакого спиртного с собой. Никаких там игральных карт и прочих глупостей. А не то вылетите из института в два счёта! - добавил он с угрозой, уже полностью выйдя из роли заботливого добрячка и теперь выступая в амплуа сурового начальника, видимо, более привычного для него.

- А на сколько нас посылают? – пискнула маленькая ост-

роносая девчушка из первых рядов.

- Посылают не в колхоз, а гораздо дальше, - прорычал Мильман, но заметив, как вытянулось в испуге личико девчушки, смягчился и уже менее грозным тоном ответил, - Начало учёбы на факультете у нас 1-го октября. К этому времени будете дома.

В задних рядах снова присвистнули, на этот раз огорчённо.

- И нечего мне тут! – вновь разъярился декан, - Вся страна у нас помогает селу. Это наш священный долг. К тому же вам надо узнать друг друга, а это лучше всего получается во время совместного... труда.

Непонятно почему, но перед последним словом Мильман сделал лёгкую паузу, это стало очередным его промахом.

- Во время совместного застолья, а не труда надо друг дружку узнавать, - раздалось откуда-то из общей массы.

- А вот этого вот шутника я непременно вычислю. И отправлю отдавать священный долг не в колхоз, а в казарму. Кажется, он именно этого хочет, - повысил тон декан, - если ты такой остроумный, покажись-ка. Посмеёмся вместе.

Он сделал приглашающий жест рукой, но монолит студенческих тел не шелохнулся. Все стояли и молчали, выдавать остроумца никто не спешил. А сам шутник благоразумно затаился, сделав вид, что совершенно не при чём.

Декан помедлил с минуту, затем махнул рукой и бросив «ну, раз всем всё ясно, расходимся. А завтра все как штык»,

заспешил к ступенькам лестницы главного входа. За ним нехотя потянулись будущие студенты. Мошев чуть помедлил, ему хотелось получше рассмотреть того, кто отпустил шуточку про застолье. Ему нравились те, кто не лезет за словом в карман. Всегда приятно иметь такого человека в друзьях-приятелях – и девчонки вечно вокруг таких, острых на язык, кучкуются, и хулиганы с ними предпочитают не связываться. Во избежание эксцессов, так сказать. Словом, одни плюсы.

Остроумец в этот момент как раз начинал движение в сторону института. Это был весьма упитанный, если не сказать, толстый парень с курчавой шевелюрой и немного навывкате глазами. Заметив интерес к своей персоне со стороны Мошева, он сразу остановился и развязно подмигнул новому знакомцу.

- Чё, тоже в восторге от речи отца-благодетеля? – спросил толстячок Мошева.

- Ну-у-у... - неопределённо протянул Мошев, который ещё не решил, нужно ли подыгрывать этому, явно нахальному и дерзкому человеку.

- Чую, попали мы с тобой, - толстячок в два шага оказался рядом с Мошевым и доверительно поймал того за пуговицу.

Он задышал в лицо нового знакомого душным чесночным запахом. Мошева передёрнуло – он не любил тех, у кого вохнет изо рта и кроме того, не терпел фамильярности. Но высказывать свое «фи» острому на язык товарищу все же не

решился. Заводить такого врага было непредусмотрительно.

- Тебя как зовут? – Мошев осторожно отстранился от толстячка на безопасное для обоняния расстояние, но в то же время не было слишком далеко, чтобы соответствовало возникшей между ними близости.

- Я – Станислав. Станислав, Кусакин. По прозвищу Баронет, а ты? – к облегчению Мошева, новый знакомый похоже не обиделся на его отступление.

- А я – Васька! Васька Мошев! – выпалил Мошев, нацепляя на лицо как можно более доброжелательную улыбку, призванную закрепить завязывающиеся дружеские отношения.

- Ка-а-ак? – удивился новый приятель, - Васька, да ещё и Мошкин?

- Не Мошкин, а Мошев! – позволил себе немного обидеться Мошев, ощущая приближающуюся угрозу. Уж очень насмешливо прозвучала его искажённая фамилия из уст Станислава.

- Да ладно тебе! – толстячок звонко хлопнул Мошева по спине, - Мошкин, Мошев, какая разница? Главное, старичок, мы поступили. Это хоть и не Рио-де-Жанейро, как говорил великий Остап Бендер, но лучше, чем армия, так?

- Так! – обрадованно согласился Мошев, уже попадая под обаяние нового знакомого.

- А почему ты Баронет? – поинтересовался он, вдруг вспомнив, как представился Кусакин.

- А-а-а, это давняя история, — обрадовался новой возможности покрасоваться толстячок, - ещё со школьной золотой поры. Был у нас в классе ученик по фамилии Обольский. Разумеется, все его фамилию коверкали, путали с Оболенским. А тот не слишком и возражал. Поимел привычку величать себя «граф», мол, он дворянских корней и всё такое. Достал, если честно. Ну я терпел-терпел и как-то говорю — не граф ты, а графин. Причём, даже без пробки. Обольский обиделся и обзываться стал, — а ты сам-то кто? Баран кудрявый! А я ему в ответ - нет, сударь, я не баран, а барон! Нет, барон я!

И тут этот дурень выдаёт — «барон Нет»? Это что ещё такое? Вот после этого меня Баронетом и стали величать.

Посадка в поезд

Прибыв без пятнадцати семь на вокзал, Мошев первым делом принялся разглядывать своих однокурсников. Он пытался отыскать в собравшейся немалой толпе знакомые по вступительным экзаменам лица. Ближе всех к нему стояла та самая остроносенькая, которая спрашивала у декана о сроках поездки в колхоз. Её Мошев прежде не видел, да и сейчас почти тотчас перевёл взгляд дальше. Потому что девушка ровным счётом ничего из себя не представляла. Несмотря на крохотный рост, фигура у неё была какая-то бабская – очень широкий таз, отсутствие талии. Плюс этот почти бурагинный нос. «Неужели у нас все на курсе вот такие уродины? - с тоской подумал Мошев, - Зачем только я поступил на Технологический. Тут девчонок почти нет, а какие есть, сущие неандерталки!»

Он с тоской ринулся выискивать взглядом среди стоящих фигур те, что имели женские очертания. Вот, кажется, ещё одна. И тоже не ахти. Но эта хоть что-то.

- Что, друг Мошкин, высматриваешь. Ищешь, с кем завязать узы дружбы, согласно воле отца нашего, декана? – раздалось внезапно у самого его уха.

Мошев вздрогнул, рывком обернулся – рядом с ним, осклабясь, сиял круглой физиономией Баронет Кусакин.

- Я Мошев, а не Мошкин, - сухо бросил Баронету Мошев

и постарался принять позу гордую, внушительную и неприступную, дабы оградить себя от дальнейших насмешек, которые, он был уверен, не заставят себя ждать.

На его счастье, Кусакин – надо же, как фамилия соответствовала своему задиристому обладателю! – уже переключился на другие объекты. Видимо иметь Мошева в союзниках для него было пока выгоднее, чем делать его мишенью для шуточек.

- Ты гляди, Василий, - жарко зашептал Кусакин, интимно понизив голос и показывая глазами в сторону маленькой девушки, - да у нас на курсе настоящий живой Буратино! Мы с тобой прям как в сказку попали. Интересно, кто будет папой Карло?

Мошеву, который тоже уловил сходство остроносенькой с персонажем детской книги, от насмешливого и безжалостного тона Кусакина сделалось неуютно. Он внутренне напрягся, но рассудил – уж лучше пусть Баронет издевается над этой девчонкой, чем над ним. Но поощрять Кусакина ему всё же не хотелось, и Мошев решил перевести разговор на более безобидную тему.

- Ты не знаешь, куда нас везут? – задал он давно зудящий в голове вопрос.

- Прямоком в рай, Мошкин! На юг поедем. Только вот не к морю, не надейся, а на юг нашей необъятной области, - презрительно скривил губы Кусакин.

- Точно, - влез в их разговор стоящий поблизости и с ин-

тересом прислушивающийся к эскападам Кусакина невысокий худощавый блондин, - нас ждёт колхоз с названием Комбайн. Я слышал, как староста нашей группы с куратором об этом говорили, блин, на фиг.

- У нас уже и староста есть? – картинно изумился известию Кусакин, - Что-то не припоминаю, когда мы его выбрали.

- Старосту на Технологическом назначает деканат, - поспешил пояснить блондин, - ты что, объявление не читал, блин, на фиг?

- А где это объявление? Может, в областной газете «Знамя вперёд» напечатали? – с ехидцей спросил Кусакин. После чего скосил глаза в сторону Мошева, приглашая оценить очередную свою шуточку.

- Тю, темнота! – сощурился его собеседник, давая понять, что насмешки в свой адрес не потерпит, - рядом с деканатом есть факультетский стенд, блин, на фиг. Всё важное там вывешивают. Такие вещи знать надо!

Выдав это, блондин с гордым видом удалился.

Кусакин было открыл рот, чтобы выдать новую колкость, но тут по площади разнеслось:

- Студенты-технологи, срочно пройдите на посадку в 11 вагон поезда номер 13 на 1-ю платформу. Внимание! Поезд стоит всего 10 минут, поэтому грузимся в вагон оперативно. Ждать никого не будем. Все, кто не успеет, будут добираться до места самостоятельно. А добраться до места назначения

общественным транспортом невозможно. В общем, делайте выводы.

Через секундную паузу говорящий произнёс: «Повторяю!..» И выдал текст ещё один раз. Пока он говорил, Мошев успел заметить невдалеке невысокого человечка с мегафоном в руках.

- Как думаешь, - спросил он Кусакина, - это и есть наш куратор?

Кусакин в ответ лишь пожал плечами.

Ответственный за быт

Войдя в вагон, Мошев невольно ужаснулся – все отсеки старого плацкартного вагона буквально ломились от народа.

- Усаживаемся! Утрамбовываемся! – звучал усиленный мегафоном мужской голос, - Плотнее, плотнее! Другого вагона всё равно не будет. Распределяйтесь равномерно, занимайте все полки, третьи тоже. Ну-ка, кто самый смелый?!

Постепенно несколько ребят вяло поползли на самую верхотуру. Вторые полки были уже полностью заняты, кое-где там лежали по двое. В вагоне всё усиливался запах пота и влажной одежды. Матрацы в вагоне отсутствовали напрочь, окна не открывались, хорошо хоть туалеты работали.

- А сколько нам ехать? – раздалось из соседнего с Мошевским отсека.

- Ехать будем всю ночь. Так что устраивайтесь поудобнее! – прогрохотал мегафон.

- У меня клаустрофобия, впадаю в панику в замкнутом пространстве. Во избежание ненужных инцидентов, разрешите занять штабное купе? – раздался откуда-то сбоку наиграно плачущий голосок.

Разумеется, это был Кусакин. Девчонка невядалеке громко прыснула. Ей поддакнули ещё несколько смешков.

- Шуточки! – рывкнул мегафон, - Ещё одна такая, и назначу дежурным на всю ночь!

- Какие уж тут шуточки. Говорю же, клаустрофобия, - с выраженным артистизмом вздохнул Кусакин, подняв новую волну веселья.

- Если не прекратишь нести чушь, обещаю обеспечить тебе энурез. Вместо клаустрофобии, - с сарказмом откликнулся мегафон.

- А куратор наш – не промах, блин на фиг! - одобрительно подмигнул Мошеву блондин с площади, волею судеб оказавшийся в одном с ним отсеке.

- Так это и есть куратор? – переспросил Мошев, не зная, что сказать, но в надежде поддержать так кстати завязавшийся разговор.

- А то, кто же? Карл Маркс? – довольно хохотнул блондин. Затем покровительственно протянул Мошеву ладонь:

- Будем знакомы. Я – Валентин, блин на фиг. Как тебя звать?

- Васька я. Васька Мошев, - понизив голос, скороговоркой пробормотал Мошев, печёнкой чуя, что Кусакин просто так его фамилию не оставит.

И точно:

- Васька Мошкин! - тоном злодея из мультика раздался из полутьмы коридора вагона голос Кусакина. Его улыбающаяся физиономия сияла неподалёку.

- Почему со мной не сел? – протиснувшись вперёд, спросил он у Мошева строго.

- Места не хватило, - быстро проговорил домашнюю заго-

товку Мошев, заранее подготовившийся к этому вопросу.

Он намеренно не пошёл за Кусакиным – решил держать дистанцию.

- Ну-ну! – с намёком отреагировал Баронет и исчез. Видимо, вернулся на своё место.

Вместо него проход занял маленький мужичок, правая рука которого сжимала мегафон – куратор.

- Есть тут кто из первой группы? – спросил он, на этот раз обычным голосом, не прибегая к усилению.

Вверх потянулись несколько рук, Васька тоже обозначил себя.

- Раз, два, три... четверо, - быстро сосчитал взметнувшиеся конечности мужичок, - отлично! Значит, я куратор вашей группы Владимир Николаевич Траубах.

Последнее слово куратор произнёс каким-то странным, лающим тоном. В соседнем отсеке, где ехал Кусакин, снова негромко заржали. Траубах сморщился с досадой, но предпочёл не комментировать обидный смех.

- Те, кто в первой группе, назовите фамилии и имена, - сказал он, поставил мегафон на полку, для чего пришлось потесниться сидящим там, и извлёк из кармана листок бумаги с ручкой.

Васька наострил уши – ему было интересно узнать, с кем бок о бок придётся провести ближайшие пять лет жизни.

В одну группу с ним попали: уже известный ему Валентин, носивший довольно нелепую фамилию Передеренко;

сидящая у самого прохода худая и серьёзная девчонка в очках, представившаяся как Ольга Арбузова. Да ещё какой-то пацан очень молодого и деревенского вида – Саня Семёнов. Семёнов залез на третью полку и теперь выглядывал оттуда как птенец из гнезда – туловища не видно, в поле зрения одна вихрастая, беспрестанно крутящаяся голова. Которая, словно намагниченная, всегда поворачивалась в направлении того, кто произносил какую-либо фразу. Сам Семёнов, между тем, до прихода куратора не проронил ни слова. Остальные ребята в отсеке оказались из других групп.

К удивлению Васьки, как только он назвал себя, куратор довольно торжественно провозгласил:

- А-а-а, Мошев! Ты назначен в группе ответственным за быт!

- Это как? – не понял, удивился и даже слегка испугался Васька.

- А так, - с охотой пояснил Траубах, - будешь следить, чтобы твои товарищи ни в чём не нуждались.

- Сказки нам читать на ночь. Горшки ночные, разумеется, выносить – вот твоя забота. Ну, а коли не хватит пищи, грудью нас кормить станешь! Жаль, титя у тебя всего одна. И та какая-то задохленькая, – гаденьким голоском пропищал из соседнего отсека Кусакин.

По вагону пронеслась буря веселья.

- Кусакин, опять ты?! – прогремел Траубах, - ох, сделаю я тебя вечным ночным дежурным. На весь колхоз!

Но это не помогло, над Кусакинской шуточкой ржали все.

- Отставить! – по-военному рявкнул куратор таким тоном, что всё веселье быстро сошло на нет, - Посмотрим, как вы запоёте после трудового дня.

Настроение Васьки совсем скисло, это не укрылось от взгляда Траубаха, и он решил дать разъяснения.

- В каждой группе существует административная верхушка. Из трёх человек – это староста, комсорг и ответственный за быт, их назначил деканат. Но в один из дней колхоза на собрании группы комсорг и ответственный за быт могут быть переизбраны. Так что, не горюй, насильно никто тебя в начальники не тянет.

- Ответственный за быт никогда не будет забыт, - выдал ещё одну шуточку Кусакин из соседнего отсека.

На этот раз никто смеяться не стал.

Васька задумался – с одной стороны, попадание в сонм начальников было лестным. Но с другой – что это ещё за ответственный за быт? Вот, ежели б комсорг или ещё лучше - староста! Он осторожно скользнул глазами по лицам товарищей, никто на него не смотрел, каждый был занят собственным делом. Похоже, бытовые вопросы пока решались сами собой.

Встреча с кураторами

Траубах покатился дальше по вагону, а в коридоре возник новый персонаж – довольно молодой, не старше 30 лет, но слегка рыхлый парень, который оказался куратором группы №2. В отличие от серьёзного Траубаха, он похоже был человеком лёгкого нрава, много улыбался и не чурался шуточек.

- Григорий Ильич Харчик, - представился он, - прошу если не любить, то хотя бы жаловать. Или жаловаться, кому как больше нравится.

Судя по просветлевшим лицам студентов второй группы, расположившихся вместе в одном с Васькой отсеке, Харчик явно произвёл на них благоприятное впечатление. Зато приуныли те, кто попал в первую группу – на фоне мрачного, громкоголосого Траубаха новый куратор выглядел гораздо привлекательнее.

«Повезло им. Харчик этот явно не промах», - без труда считал Васька с лица белобрысого Валентина.

- Этот Григорий - сын самого декана, - интимно приглушив голос, оповестил остальных после ухода Харчика невысокий пацанчик в новом ватнике, притулившийся возле самого окна.

- С чего это ты взял? – недоверчиво спросил у него Валентин, - у декана фамилия Мильман, а Григорий Ильич – Харчик. Не сходится что-то.

- Я знаю, что говорю! - заметно обиделся пацанчик в ватнике, - у меня брат на пятом курсе, родной, учится. Всё мне обсказал. Гриша взял фамилию матери, потому что Харчи-ком быть лучше, чем Мильманом.

- Какой он тебе Гриша! Григорий Ильич, он же тебя старше! – осаждала информатора остроносенькая, которая заняла место на боковушке и теперь сердито поглядывала на говорившего.

Она всем видом демонстрировала своё негодование от такой фамильярности и так смешно закрутила длинным носом, что Васька едва сдержал рвущийся смешок. Ватник хотел было бросить девушке что-нибудь обидное, но потом решил в перепалку не вступать и с расстроенным видом отвернулся к окну.

В этот момент в отсек вплыл серьёзный крепыш в смешной шапке – вязаной, но с оттопыренным, как у кепки, козырьком.

- Та-а-ак, - без предисловий басом изрёк вошедший, - и тут горлопаны собрались! Ну-ка...

Что за «ну-ка» он не договорил, но и такой коротенькой фразы оказалось достаточно, чтобы все в отсеке напряглись. Моментально стало тихо, только равнодушно постукивали колёса где-то внизу, да из дальних отсеков полз приглушённый шепоток, неразборчивый точно ветерок в сухой траве. Куратор третьей группы, а это был именно он, по очереди обвёл посмирневших первокурсников суровым и пасмурным

взором. От его жгучих тёмных глаз хотелось немедленно забиться в любую возможную щёлку подобно таракану. Васька ощутил, как вдавливаются в него в него бок соседа слева, а сам он почувствовал себя маленьким и мягким словно пластилиновый шарик.

- Хо-ро-шо, - довольный произведённый эффектом, по слогам выговорил наконец крепыш, как бы подводя черту под приветственной частью, - кто есть из третьей группы, покажите себя.

- А вас как зовут? – внезапно пропищала остроносенькая, когда куратор третьей группы уже собирался переместиться в соседний отсек.

- Что-о-о? – пророкотал крепыш с явно читаемой угрозой в голосе.

- Ну, вы же не представились, - смешалась остроносенькая и густо покраснела.

- Я – Северьян Рюрикович Яхонтов, - со значением отчеканил куратор третьей группы.

Это было сказано таким тоном, чтобы сразу пресечь все попытки оборжать это нелепое и какое-то удивительно несовременное имя. Впрочем, желание пошутить над крепышом не выказал даже Кусакин. Видимо небезосновательно почувял, что насмешки могут обернуться неприятностями.

Куратора четвёртой группы Васька не запомнил – переполненный новыми впечатлениями мозг просто отключился и напрочь отказался фиксировать окружающую реальность.

Тем более что уже всюду накатывала ночь. В вагоне притушили свет. Кураторы куда-то исчезли – видимо штабное купе не было придумкой Кусакина, как сперва подумал Мошев.

- Хорошенькие дела, блин на фиг, - придвинувшись близко-близко к Ваське, задышал ему в лицо Валентин с соседней полки.

Кажется, он решил, что Васька – подходящая кандидатура для завязывания приятельских отношений.

- Три куратора, и все как на подбор: один Траубах, другой – Харчик-сын-Мильмана, третий вообще Рюрикович, прикинь? Только четвёртой группе повезло – у них куратор с нормальными именем-отчеством-фамилией – Игорь Владимирович Кузнецов.

- А что тебе не нравится? Имена, как имена, - не дожидаясь реакции со стороны Мошева, с неприязнью бросил Валентину сосед Васьки справа, - У тебя самого-то какая фамилия, разреши узнать?

- Тебя не спрашивают! – скривил губы Валентин, - Не с тобой разговариваем, блин на фиг!

- А ты СО МНОЮ поговори! – не стушевался сосед справа, - Сам через слово «блин-на-фигами» сыплет, как испорченный электропроигрыватель, а лезет других критиковать! Тоже мне, Валентин-Блин-на-фиг! За собой последи, понял?

Он расправил плечи и всем видом давал понять – в обиду себя не даст. Васька невольно хмыкнул – прозвище, только что данное Валентину, легло в самую точку. Действительно,

тот постоянно вставлял в свою речь эти слова, похоже, надеясь придать не совсем печатными выражениями большую значимость сказанному.

В дальнейшую дискуссию Валентин вступать не стал, откинулся к стенке и сделал вид, что решил спать. Но сам – даже с закрытыми глазами – продолжал фиксировать происходящее вокруг. Это Васька понял по еле заметному дрожанию век Блин-на-фига и его оскорблённо поджатым губам.

- А ты, выходит, из первой группы? – спросил Ваську сосед справа.

Это было откровенным приглашением к диалогу, и Васька радостно включился в игру.

- Из первой, да, - быстро отреагировал он.

- А я из четвёртой, если ты ещё не понял.

- Будем знакомы. Я Васька.

- А я Игорь. Игорь Боровиков.

И сосед протянул Ваське крупную, довольно шершавую ладонь. Мошев радостно пожал её – Боровиков ему понравился. Васька вообще ценил крепких ребят, особенно тех, которые не лезут за словом в карман.

- Давайте уже все познакомимся! Нам же целную ночь тут трястись! – не без зависти глядя на эту сцену, предложил пацанчик в ватнике у окна.

Как успел заметить Васька, говорил он просторечно, смешно выговаривая некоторые слова и выражения.

- Для тех, кто ещё не знает, я Миша Яблоков, - выдал па-

цанчик.

Он приосанился и теперь сидел с важным видом, очень напоминая обликом... тыкву. Сходство с этим овощем придавал ватник, складки которого ниспадали, ну совсем как тыквенные рёбра. В придачу, цвет у ватника был на удивление светлый, даже чуть красноватый в тусклом свете вагонных ламп.

- Ты бы ватник снял, Яблоков! – с лёгкой насмешкой в голосе предложил новоявленному Мише Игорь Боровиков, - жара же. Смотри, сварисься, и будешь Яблоков-Печёный.

И теперь уже Яблоков, не найдя достойный ответ Боровикову, поспешил сделать вид, что отошёл ко сну. За окном в глубине неба проступил полузатопленный темнотой край бледной луны.

Клуб, который Клубень

Утром всё же впавшего под конец пути в беспокойный сон Ваську разбудил мегафон Траубаха.

- Выходим, выходим, - гудел голос куратора первой группы, - поезд стоит всего 10 минут, не тормозим!

Васька с трудом вытянул затекшие от неудобного сидения ноги и сразу же угодил прямо в лодыжку Валентина Блин-на-фиг.

- Ну, ты, это, блин-на... - с угрозой начал было тот отчитывать Ваську, но сразу же осёкся, заметив, что за ним насмешливо наблюдает Боровиков. Так и не договорил свою присказку.

На узком перроне вылезających из поезда ребят встречал улыбающийся Харчик – подтянутый и свежий, словно прошедший ночь не в общем вагоне, а где-нибудь в санатории.

- Сюда проходим, вот по этой дорожке. Затем через здание вокзала и прямо на площадь. А там ждём всех, никуда не расходимся, - периодически повторял он тоном диктора центрального телевидения. С правильными паузами и прекрасной, хорошо поставленной артикуляцией.

Васька огляделся, из приоткрытой двери здания вокзала их широким призывным жестом поторапливал Яхонтов в своей нелепой кепке. В отличие от красавчика-Харчика, выглядел он неприветливо и помято.

Когда все, наконец, сгрудились на маленькой привокзальной площади, откуда-то сбоку, натужно фырча, подкатили четыре ПАЗика. На лобовом стекле первого автобуса красовалась самодельная, кривовато выполненная красной тушью надпись «Дети».

- Ну, что, деточки! – обрадовался надписи Кусакин, - Сейчас нас отвезут прямиком в детский садик и дадут молочко. Не забывайте приготовить ночные горшки, автобусы санузлами не оборудованы!

- Первая группа – в головной автобус. Вторая – в следующий, и так далее, - снова пробудился к жизни мегафон.

Васька влез в салон машины одним из первых и принялся озираться, размышляя, куда бы лучше сесть.

- Эй, ответственный за быт! – насмешливо произнёс за его спиной голос Баронета Кусакина, - А тебе на галёрку. Там высоко, всё видно, можно вести учёт и контроль. Не то детишки потеряются без мамочки, слышь, Мошкин?

- Я – Мошев! – сквозь зубы бросил Васька и плюхнулся на ближайшее свободное место.

- Вот тебе и ответственный за быт! – картинно огорчился Кусакин, стреляя насмешливыми глазами по сторонам, дабы прочесть на лицах товарищей одобрение своим шуточкам, - Самоустранился ещё до начала колхозной жизни. А вдруг я загнусь под гнётом бытовых проблем?

- Проходи, не задерживай! - сердито подтолкнула в спину застрывшего в проходе Кусакина довольно высокая девчонка

в ватнике и простеньком белом платочке, - Хватит уже трещать. Не видишь, что ли - мешаешь!

- Уступаю грубой силе! - не стал упорствовать Баронет и сел наискосок от Васьки, явно решив продолжить свои насмешечки в его адрес.

Тем временем, девчонка обратилась уже к Ваське:

- Что расселся на всё кресло? Ну-ка, подвинься!

И не дожидаясь, пока тот выполнит команду, ощутило пихнула Мошева в бок крепким кулаком. Васька поспешил освободить место, скользнув к окошку, а девчонка, которую как впоследствии выяснил Мошев, звали Ириной Бугиревой, как ни в чём не бывало, устроилась рядом с ним. Это было необычно – как правило, в 1980-е годы молодые люди предпочитали компании одного с собой пола, во избежание насмешек и непониманий со стороны окружающих. Кроме этого, для Васьки соседство Ирины стало настоящим подарком. Ни разу за всю его короткую жизнь никто из противоположного пола и одного с ним возраста вот так запросто не усаживался рядом по доброй воле. Только в принудительном порядке – по велению родителей, учителей и прочих взрослых.

Васька осторожно скосил взгляд на профиль своей соседки – она оказался вполне ничего, хоть и крупная, но симпатичная, если б не жёсткое, непримиримое выражение лица, заставившее молодого человека моментально отвести глаза.

Последним в автобус с кряхтением ввинтился Траубах.

- Можем ехать, - распорядился он, обращаясь к водителю.

Автобус натужно запыхтел, выворачивая с площади на проезжую часть. В окошке мимо Васьки последовательно проплыли остальные три его собрата. В последнем из них он разглядел лицо Боровикова, который, при виде Васьки, поднял в приветствии кулак и пару раз взмахнул им, как бы сигнализируя, «не бойсь, прорвёмся». У Васьки потеплело на сердце, и он радостно вскинул руку в ответном жесте.

- Владимир Николаевич, далеко ли нам ехать? – раздался в салоне вдруг тоненький голосок.

Все как по приказу повернули головы в сторону, откуда он раздался. Там, покраснев всем телом - кажется, вплоть до кончиков ногтей на ногах - сидела испугавшаяся собственной храбрости, несчастная Лена Шепель – четвёртая и, похоже, последняя из девушек первой группы Технологического факультета, которая теперь затравленно вжималась в спинку кресла. Видимо, Лена не привыкла к повышенному вниманию к собственной персоне. Ваське стало жалко девчонку, и он быстро отвернулся, чтобы не смущать её ещё больше.

Положение спас Траубах, похоже, сразу оценивший ситуацию.

- Рассказываю, - начал он, и тут уже все головы разом уставились в его сторону. Дело в том, что без привычного мегафона голос у куратора оказался до странности высоким, если не сказать, писклявым.

- Так вот, - чуть повысил тон Траубах, безуспешно сясь взять хотя бы отдельные басовые ноты, - жить на пери-

од уборки урожая первая группа будет в колхозном клубе. Совместно с третьей группой.

- А что за клуб? Клуб по интересам, не иначе? – поспешил сострить Кусакин.

- У вас здесь один интерес – картофель! – ещё более повысил громкость Траубах, - Вернее, его уборка. Уборка картофельных клубней.

- Ясно. Клуб под названием «Клубень», - с деланной печалью провозгласил Баронет, чем вызвал всплеск всеобщего ржания. Улыбнулся даже обычно серьёзный Траубах.

- Итак, к делу. Мальчики дислоцируются на втором этаже, где актовый зал. А девочек поселим на первом, там есть несколько комнаток, в общем, места всем хватит. Правда, кроватей наши хозяева предоставили всего около 40 штук, поэтому добровольцы - из числа представителей сильного пола, конечно же, девочек это не касается - будут спать прямо на матрацах, - в конце этой речи Траубах слегка зачастил, видно волновался, что новость про отсутствие должного числа кроватей приведёт к волнениям среди студентов. Но обошлось, даже Кусакин не стал язвить по этому поводу.

- И последнее. Клуб располагается на выезде из усадьбы колхоза. Поэтому приём пищи у вас будет общий со второй и четвёртой группами, которые разместятся в спортзале местной школы. А на поле вас станут доставлять на автобусе, в общем, условия просто царские, - добавил он таким тоном, будто давал понять, что его подопечным очень повезло жить

в клубе и кататься на автобусе, а не ютиться в спортзале.

Жизнь на сцене

Войдя в актовый зал, Васька быстро оценил обстановку – помещение оказалось загромождено близко стоящими друг к дружке кроватями. Кровати были старыми, с продавленными панцирными сетками, выглядели непрезентабельно и стояли очень плотно. Зато на чуть приподнятой над уровнем пола сцене, где высилась стопка матрасов, пространства было явно больше.

- Так, значит, староста и ответственный за быт сейчас скоренько распределят своих бойцов по кроватям. И не мешкайте, скоро тут будет третья группа, которой тоже нужны места. На всё про всё даю вам пять, ну ладно, десять минут, - приказал, вынырнув из дверей, Траубах. Он сделал пару шагов вглубь зала и развернулся лицом к сгрудившимся около входа ребятам.

- Староста, получите список студентов первой группы, - продолжил он с важностью, - Да, совсем забыл, пять человек из вашей группы будут спать на полу, имейте это в виду при распределении. Пять студентов первой группы и пять – третьей. Так что, всё честно. Кстати, те, кого это коснётся, получают личную благодарность – мою и куратора третьей группы.

Траубах вынул из кармана длинного плаща сложенный вчетверо листок и помахал им в воздухе:

- Где староста? Ну же, Сергей!

К нему вразвалочку вышел довольно высокий детина в зеленоватой болоньевой куртке, коричневых кордовых брюках и сапогах с щегольскими отворотами.

- Вот, получите, - улыбнулся ему Траубах, протягивая листок, - а где ответственный за быт?

- Бытует мнение, что ответственный за быт не забыт и где-то тут, - прежде чем Мошев успел отреагировать, встрял Кусакин.

Васька, чувствуя предательское смущение, тоже прошлёпал к Траубаху.

- Эй, начальники, - вновь подал голос Кусакин, - прошу учесть глас народа. Вам, как самым главным и ответственным, лучше занять стратегическую высоту, как говорят в доблестной армии, и расположиться на матрацах на сцене, откуда видно всё. Ну, а мы, смиренные подчинённые ваши, так и быть, займём кровати, славя вас во весь наш народный голос!

Староста внимательно глянул в сторону Кусакина, затем перевёл взор на Ваську, мол, что скажешь на это? Васька, не привыкший находиться в центре внимания и тем более, принимать какие-либо руководящие решения, ощутил накатившую горячую волну стыда за собственное бессилие и лишь пожал плечами – как знаешь.

- Кстати, не вижу здесь комсорга, - не унимался Баронет, - эй, комсорг, выйди вперёд, предъяви себя людям!

- Разумное предложение, - неожиданно поддержал Куса-

кина куратор, - и – в темпе, в темпе, третья группа уже на подходе!

- Я комсорг! – к Ваське и Сергею присоединился новый персонаж. Улыбчивый парень, одетый в куртку военного образца.

- Будем знакомы, - произнёс он, обращаясь ко всем, - Павел Морозов.

В толпе хихикнули – в те годы не было человека, кто бы не знал про Павлика Морозова. Впрочем, комсорга такой приём никак не смутил.

- Я считаю – это правильное предложение, - как ни в чём не бывало, сказал он, обращаясь теперь к Траубаху, - мы должны показать личный пример товарищам. Я буду спать на матрасе.

- Решили, - поддержал его староста Сергей, даже не глянув на Ваську, - но остаются ещё два свободных места.

- Ну-ка, кто самый смелый? – задорно бросил он остальным.

Повисло молчание, спать на полу никому не хотелось.

- Кусакин, пойдёшь на сцену? – решил взять инициативу Траубах, - Или слабо?

- Слабо, Владимир Николаевич, - приторно детским голоском пропищал Баронет, соорудив плачущую рожицу, - имею самоотвод. По медицинским показателям. Не могу спать на жёстком. Могу разболеться и вернуться в город. А оставить товарищей без моей поддержки в нелёгкой борьбе

с картошкой не позволяет комсомольская совесть.

Всем было очевидно, историю про медицинские показатели Кусакин сочинил только что, но спорить с ним никто не стал.

- Если добровольцев нет, будем назначать прямо по списку, - озабоченным тоном оповестил студентов Траубах.

- Я пойду, - вышел вперёд знакомый Ваське по поезду Сая Семёнов, - Семёнов я, отметьте там.

- И я, - присоединился к нему ещё один студент, - Сергей Грошев.

- Молодцы! – похвалил смельчаков Павел Морозов, - Наши люди!

- Ну, всё, - заторопился обрадованный, что ситуация с выбором спящих на матрацах разрешилась, куратор, - остальные займут кровати, начиная с ряда у окна. Староста, зачитывай список по порядку. Тот, кого назвали, выходит и занимает кровать.

- Любую? – спросил кто-то из сзади.

- Любую, но только в границах первых двух рядов от окна. Вот этих!

И Траубах взмахом обеих рук обозначил границы владений первой группы.

- А ты, ответственный за быт... кстати, как тебя зовут? – обратился к Мошеву староста Сергей.

- Васька я, Мошев, - сквозь зубы прошипел Васька, - надеясь, что хоть тут не встрянет проклятый Кусакин со своим

Мошкиным.

- А почему ты шипишь на меня? - удивился староста, разглядывая фигуру ответственного за быт.

- Зубы болят, – пришлось соврать Ваське.

- Это плохо, - помрачнел староста Сергей, - ты, это, береги себя. Ноги держи в тепле, простужаться тебе нельзя, понял?

- Да он закалённый, сдюжит! Так? – встрял в их диалог Морозов.

- Так! – обрадовался поддержке Васька.

- Тогда, вот что, - по-хозяйски распорядился староста, - давай, организуй распределение матрасов. Ну и, там, размещение их на сцене. И помни, что надо оставить место для третьей группы, усёк?

Тон старосты своими чересчур командирскими интонациями расстроил Ваську. «Ишь, раскомандовался! – подумал он с раздражением, - Сам бы и организовывал, раз ты староста». Но вслух претензии высказывать благоразумно не стал, решив попробовать себя в новом качестве начальника. Он оглянулся, ища взглядом того, кто мог бы помочь с матрасами.

На Васькино счастье, с ним рядом оказались Семёнов и Грошев, которые тоже должны были обитать на сцене.

- Это, - запинаясь начал Васька, силясь придать голосу твёрдость и значимость, - надо разложить матрасы по спальным местам...

Что говорить дальше он не придумал, смешался и замолк,

переводя глаза с Семёнова на Грошева и обратно. «Что я несу! – мелькали в голове Мошева горькие мысли, - Мямлю, как девчонка. Разве так нужно приказывать? Вот Боровиков из четвёртой группы сейчас бы рявкнул как следует, а я? Бэк-мэк. Какой из меня начальник!» Выручил Ваську Саня Семёнов, который спокойно спросил его:

- Куда лОжить будем?

- Значит, так! – уверенность стремительно возвращалась к Мошеву, который сообразил, деревенский Семёнов беспрекословно выполнит всё, что ему прикажут. Такой уж он человек.

Васька осмотрелся и прикинул, лучшие места – те, которые у стены. Там подальше от основной массы и есть хоть какая-то приватность.

- Вот здесь, - он указал на позицию у самого окна, - положите матрац для нашего старосты.

- Хотя, нет, - тотчас спохватился Васька, поняв, что собственными руками отдаёт лучшее на сцене место, - старосте лучше быть в центре. Здесь буду спать я. Рядом – комсорг, и только потом староста. Нам, как начальникам, надо держаться вместе.

- Потащили, что ли? – обратился к Грошеву Семёнов, хватаясь за край ближайшего матраца.

Грошев без слов присоединился к товарищу.

- Вот, - доложил старосте Васька, когда все матрацы оказались распределены по местам, - можно располагаться.

- Это твоё место, - он указал старосте Сергею на третий от края матрац, - ты в самом центре. Рядом комсорг и я, в общем, все шишкарки. А Семёнов и Грошев поближе к краю. Кстати, место для третьей группы оставили.

Васька изо всех сил старался понравиться старосте, набрать очки в его глазах, и одновременно ненавидел себя за этот лёгкий подхалимаж. Но ничто не мог поделаться с собой, уж очень ему хотелось получить похвалу.

- Молоток! - верно уловил желание ответственного за быт и снизошёл до награды староста, - Справился.

Васька радостно зарделся. Жизнь определённо улыбалась ему. Настроение Мошеву испортил конечно же Кусакин.

- Эй, на сцене! - прокричал он из дальнего конца актового зала, - Мошкин, начинай концерт. Зрители просят.

На подмогу Ваське пришёл комсорг Морозов.

- Угомонись, Кусакин! – серьёзно бросил он всего два слова.

И волшебным образом отбил у того желание подкалывать других. Баронет стих и не проронил в этот день ни одной шуточки.

Шкафчик Трах-Бах

Картофельное поле, куда привезли будущих студентов, начиналось от грунтовой дороги и уходило за горизонт, необъятное и монотонное как галактика. Ребята сгрудились у обочины и, ёжась, уныло вглядывались в суровую бесконечность грядок. Все разговоры разом смолкли, даже Кусякин, который весь путь беспрестанно разглагольствовал о том, о сём, прикусил язычок.

- И это что, всё нам убирать? – раздался в напряжённой тишине чей-то испуганный тенорок. Васька даже не сразу понял, что голос подал комсорг Морозов. За прошедшие сутки те, кто спали на сцене, успели неплохо узнать друг друга, и то, как разговаривал Морозов – уверенно, спокойно, артикулируя слова хорошо поставленным баритоном – разительным отличалось от того, что сейчас слышал Мошев. Какие-то искательно жалобные, почти девчоночьи интонации!

- Что приуныли, молодёжь?! Глаза боятся, руки делают! – попытался как-то разрядить обстановку подошедший Траухбах, который в отличие от студентов добирался до поля не в открытом кузове древнего ЗИЛ-ка, а в его кабине. Разумеется, никакой автобус ребят не возил, вместо него колхоз выделил для развозки какую-то развалюху.

Куратор первой группы, подавая пример подопечным, решительно ввинтился в заросли пыльной придорожной пыли-

ни, отделяющей дорогу от поля, перескочил через канаву и подошёл к небольшой кучке снаряжения. На глине валялась довольно большая стопка мешков из бежевой грубой ткани, рядом стояли грязноватые вёдра – штук тридцать. не меньше.

- Сюда! – махнул он рукой ребятам, которые по-прежнему толпились вдоль обочины, - Сергей, староста, командуй, не спи. Спать ночью будете!

Староста без слов побрёл сквозь полынь к Траубаху, назад он даже не оглянулся. За ним нехотя потянулись остальные.

- Значит, так! – с преувеличенным энтузиазмом принялся за объяснения куратор, - Надо разделить на две группы. Первая берёт вёдра и собирает в них картошку. Которую, затем, сваливает в мешки. А вторая группа расставляет полные мешки в определённых местах, чтобы их можно было легко загрузить в машины. В общем, работа не сложная. Как будущие инженеры, вы освоите её быстро.

- Будущие инженеры картошку не собирают. Они совсем другим заняты, - буркнул себе под нос Кусакин.

- Будущие инженеры должны уметь всё! – повысил тон Траубах, видимо, готовый к подобным репликам со стороны своих подопечных, - Будущие инженеры – организаторы производства и прежде всего должны уметь соблюдать дисциплину! Ну-ка, быстренько разбились на две группы. Самые сильные будут грузчиками, мешки таскать. Остальные – разбирайте вёдра.

Никто не шелохнулся, студенты мрачно смотрели себе под ноги.

- Где у нас комсорг? – повысил голос куратор, - Павел, ну, что же ты?! Давай, собирай себе в команду ребят покрепче, человек десять. А ты, староста, бери остальных и разбирайте вёдра. И – марш на грядки!

- А где же картошка-то? – спросил вдруг деревенский Семёнов, - Чой-то не видно ни одной картофелины.

- Точно! – поддакнул ему кто-то из толпы, - где сама картошка? Что нам собирать?

Васька глянул по сторонам, и правда, уходящие вдаль грядки оказались цельными, не разрытыми, весь картофель, если он и был, покоился в земле.

- Что нам, руками почву раскапывать, блин?! – со злостью выразил общее мнение Валентин-Блин-на-фиг, который в этот раз сократил свой обычный рефрен, наверное, из почтения к куратору.

Кажется, новость о том, что грядки до сих пор не раскопаны, застала Траубаха врасплох. Он начал хмуро озираться по сторонам, зачем-то топнул ногой, словно проверяя грунт на твёрдость, потом бросил:

- Никуда отсюда не расходиться, староста, проследи! Я сейчас.

И засеменил куда-то вдоль грядок, смешно взмахивая маленькими ручками при каждом шаге.

- Ребя, гляньте, какой шкафчик! – вывел из оцепенения

задумавшегося Ваську ехидный голос Кусакина.

Васька невольно посмотрел, куда указывала простёртая рука Баронета и увидел, что Траубах в своём длинном плаще добрался до небольшого возвышения на поле, и теперь его маленький квадратный силуэт с мельтешащими по бокам ручками чётко рисовался на фоне серого осеннего неба. Издали фигура куратора действительно удивительно была похожа на небольшой кухонный шкафчик с хлопающими дверцами, Кусакин не соврал.

- Шкафчик! – восхищённо повторил староста Сергей.

- Это ты удачно подметил, - проговорил он, обращаясь к Баронету, засиявшему от удовольствия, что его шутка попала прямо в цель.

- Шкафчик и есть, блин на фиг, - быстро согласился со старостой Валентин заискивающим тоном.

Ваське стало неприятно, но он промолчал. Тем не менее, прозвище куратора прижилось. Впрочем, оно было не единственным. С лёгкой руки всё того же Баронета Траубаха вскоре стали называть также «Трах-Бах».

А где же колхозники?!

Где-то часа через пол угрюмого топтания около пустых вёдер, – а делать больше было абсолютно нечего – издалека донёсся приближающийся рокот. А потом в стороне, куда утопал Траубах, возник силуэт неторопливо ползущего по направлению к ребятам трактора. За собой машина волокла какую-то металлическую штуковину, которая с натужным звуком вспарывала грядку. Там, где уже прошёл трактор, виднелась буро-коричневая полоса разворошённой сырой земли. Кое-где в земле проглядывали мертвенно-бледные пятна – клубни картошки.

Не доехав до ребят метров двадцать, трактор, не глуша двигатель, остановился. Дверца кабины справа отворилась, и из него прыгнул на поле довольный Траубах.

- Вот, - едва ли не ликуя, объявил он, делая открытой ладонью широкий жест поперёк поля, - считайте, фронт работ вам обеспечен. А ну-ка, быстренько за дело! Староста!

- Пошли, - угрюмо бросил тем, кто стоял с вёдрами, Сергей и с отвращением на лице опустил на корточки перед ближайшим бледным пятном. Начал брезгливо, указательным пальцем в рабочей хлопчатобумажной перчатке выковыривать грязь вокруг картофелин.

- Повеселее, повеселее! – прикрикнул фальцетом Траубах, - Не стоим, работаем.

После чего торопливо вскарабкался в кабину трактора, тот загрохотал и стал разворачиваться на соседнюю грядку.

Первой примеру старосты последовала соседка Васьки по автобусу. Без лишних слов, она побрела вдоль грядки, периодически выуживая из земли наиболее близко лежащие картофелины и с шумом швыряя их в ведро.

- Работайте, негры, солнце ещё высоко, - неудачно сострил Кусакин.

Никто не улыбнулся. От огромной протяжённости вспаханной грядки у Васьки засосало под ложечкой. Чтобы отвлечься, он вслед за Сергеем принялся откапывать из-под земли клубни. Нитяные перчатки моментально намокли и потяжелели он налипшего грунта. Острый запах развороченной почвы неприятно отдавался в ноздрах, вызывал непровольные спазмы в желудке. К тому же заморосил нудный осенний дождичек. «Ничего, я справлюсь! – сумрачно думал Васька, - Я же ответственный за быт. Начальство, можно сказать. Должен подавать пример».

- А где же колхозники? – после пары часов работы не выдержал и буквально возопил Кусакин, - Мы что же, одни будем всё поле убирать?!

Действительно, кроме тракториста, да водителя подъехавшего за мешками с картошкой расхлябанного грузовичка, никого из местных жителей ребята покамест не лицезрели.

- Я спрашиваю – где колхозники? – не унимался Баронет, - Почему на поле вкалывают только студенты? А если бы мы

не приехали? Не проявили, так сказать, комсомольскую сознательность? Кто бы всё это убирал?

Ответом ему было мрачное молчание.

- Не бреди душу, слышь? – наконец, сердито отозвался Морозов.

Его щегольская куртка отсырела от дождя и пота, вид у комсорга был расхристанный, он весь был перемазан глиной.

- Что попусту сотрясать воздух? – закончил Морозов, направляясь к очередному, полному картошкой, мешку.

- Эй, Семёнов, - немедленно переключил своё внимание Баронет, - ты же у нас из деревни, так? Объясни нам, неразумным, где все деревенские? Почему за три часа ни одна собака колхозная сюда не забрела?

Насчёт трёх часов Баронет, конечно, загнул, но в душе Васька был с ним согласен. Время тянулось на редкость медленно, один час как два.

Семёнов смерил Кусакина тяжёлым взглядом и, не сказав ни слова, отвернулся, захватил новый мешок и пошёл с ним к месту погрузки.

Около часа дня тишину поля вспугнул громкий голос – это явился Траубах со своим мегафоном:

- Возвращаемся к дороге. Обед!

Проголодавшиеся и уставшие с непривычки студенты, побросав, где их застало объявление, вёдра и мешки, заторопились к обочине. Вскоре подкатил ЗИЛок. Васька заскочил в кузов последним и плюхнулся на последнее свободное ме-

сто - рядом с Ольгой Арбузовой. Кажется, он чуть навалился на бок девушки, устраиваясь поудобнее. Ольга неприязненно поджала губы и дёрнула плечом, будто сгоняя назойливое насекомое. Пришлось смущённому Ваське пунцовать во всё лицо и вжиматься в самый край твёрдых досок, дабы не бедить потревоженные чувства соседки. Это, разумеется, не укрылось от вездесущего взгляда Баронета Кусакина.

- Кажется, у Мошкина с соседкой возникли бытовые проблемы! – радостно осклабясь, провозгласил он на всю машину, - Или, пардон, это проблемы личного характера? Смотри, Мошкин, сгоришь со стыда, кто будет тогда за быт отвечать?!

- Заткнись, Кусакин! – пробурчал в конец смутившийся Васька, не знавший, куда девать глаза.

От природы застенчивый, он не представлял, как себя вести с девчонками. Особенно с теми, кто находится в опасной близости, как сейчас. Да ещё и подлая Арбузова всем видом выражала недовольство его соседством, чем окончательно добила его. На счастье Мошева, история эта продолжение не получила, потому что ЗИЛок резко тронулся с места, и все попадали друг на дружку.

- Эй, водила, не дрова, блин, везёшь. Чёрт педальный! – выругался Валентин-Блин-на-фиг, снова сокративший свою присказку до более приличного вида.

- Что это ты свой блин укоротил? Слова забыл? Хочешь, напомню? – переключился на Передеренко Кусакин, и Васька тихонько перевёл дух.

Валентин что-то неразборчиво пробубнил под нос с мрачным видом. Связываться с шутником он по-прежнему не рисковал.

Буратиный суп, или рассольник «Комбайн по-колхозному»

Приём пищи у студентов происходил в школьной деревенской столовой. Станным образом, несмотря на то, что занятия в школе уже начались, никого из учеников или педагогов ребята за всё время пребывания в колхозе «Комбайн» так и не встретили. Приготовлением пищи занимались сами же студенты – для этого на кухню отрядили несколько девчонок из второй и четвёртой групп. Избавленные от труда на поле, вместо этого они варили, мыли посуду и убирали помещение. К девчонкам прикомандировали одного пацанёнка – Саню Пахомова из третьей группы, у него оказалось что-то с давлением. То ли повышенное, то ли наоборот, Васька не разобрал.

Пахомов этот таскал вёдра из колодца, выкидывал мусор, катался на ЗИЛке в ближайший город за продуктами, но большую часть времени торчал на школьном крыльце, покуривая и поплёвывая в потолок, так как к плите его не подпускали, а делать на кухне больше было особенно нечего. Уже через три дня Пахомов этот своим сытым и чистым барским видом начал доставать остальных. А на четвёртый день ему сделали дружеское внушение – пригласили на сцену, так как жил Пахомов в клубе «Клубень», а именно на сцене обита-

ло начальство первой и третьей групп, и без обвиняков предложили одно из двух. Или Пахомов, оставив свой пост на крыльце, каждый день отправляется со всеми на поле, или пусть пеняет на себя. Ибо, видеть его довольную физиономию после трудового дня ни у кого нет сил.

Пахомов повздыхал, попытался надавить на жалость, но быстро осознав тщетность этих попыток, согласился на первый предложенный вариант. А далее события развивались так. На поле Пахомова хватило ровно на час работы. А потом к старосте Сергею, который трудился рядом с Васькой, прискакала донельзя испуганная Лена Шепель и пропищала:

- У Пахомова приступ! Весь ватник в крови!

Староста, не мешкая, бросился к месту, где на перевёрнутом ведре сидел, задрав голову вверх, несчастный и взъерошенный Пахомов, Васька побежал за ним.

- Что с тобой? – рявкнул Сергей, свирепо разглядывая нахохлившуюся фигуру Пахомова.

Саня без слов отнял ладонь от своего испуганного лица цвета свежей сметаны – от ноздрей к подбородку у него шла удивительно красная на этом бледном фоне полоска. А на самом кончике висела загустевшая багровая капля.

- Так. Понятно, - резким пунктиром выговорил староста,

- Ты, - он ткнул пальцем в Ваську, - срочно лети за Шкафчиком. Пусть вызывает машину.

- А ты, - он развернулся обратно к Пахомову, - не болтай лишнего. И вытрись уже.

После этого инцидента Пахомова повторно откомандировали на кухню. А Ваське было сделано строгое внушение, мол, негоже ему, отвечающему за быт, тащить на поле больного человека. Тем более, без согласования с куратором. К сожалению, то, что его банально подставили, ибо все шишки достались одному ему, Васька понял уже после возвращения из колхоза. Староста и комсорг, хоть и получили серию упрёков от Трах-Баха как начальники группы, по сути, вышли сухими из воды, так как весь запал куратор израсходовал на примчавшегося к нему горевестника.

Больше всего радовался произошедшему Кусакин, который наскоро придумал шуточку, что «Пахомов за Мошкина кровь проливал» и день-два рассказывал её всем подряд. Пахомов снова оккупировал любимое крыльцо, где и просидел вплоть до окончания командировки в колхоз. А Васька заметно потерял в популярности, причём, без всякой собственной вины.

Впрочем, вскоре новые события затмили происшествие с Пахомовым. И причиной тому оказался... приготовленный девочками, а точнее – Ольгой Мозоленко, супчик. Ольга Мозоленко из второй группы была той самой Буратино, которую Васька заметил ещё на предотъездной линейке. В колхозе её назначили шеф-поваром, как самую активную из девчонок. И до поры всё на кухне шло неплохо. Готовить нужно было только каши да супы, продукты для них привозили самые простые, разносолы студентам не полагались.

В общем, особых нареканий пища у ребят не вызывала. Что вполне объяснимо - после физического труда у всех было единственное желание: поплотнее набить брюхо. А уж чем это сделать - неважно.

Но в один из дней Мозоленко умудрилась посолить кастрюлю с супом аж три раза. Вернее, один раз она посолила сама, а ещё два раза это сделали её товарки, которым показалось, что супчик недосолен. А Ольга не проконтролировала, отвлеклась на что-то. Да ещё и лука в кастрюлю бросили вдвое больше обычного, зато картофель, который, кстати, нарезали, положить забыли. Короче, вместо супа получилась настоящая бурда. И тут случился подлинный бенефис Кусякина:

Проглотив пару ложек, Баронет картинно сморщился и на всю столовую заявил:

- Эй, повара, поделитесь рецептом вашего фирменного супа. По вкусу это настоящие помои. Или вы просто перепутали? Тогда не томите, несите настоящий суп, а эту дрянь вылейте!

- Не нравится, не ешь! – искренне обиделась Мозоленко, которая до сих пор не попробовала своё творение и не догадывалась о его «высоких потребительских качествах», - И вообще, Кусякин, у тебя нос не дорос нас критиковать! Попробовал бы сам что-нибудь приготовить.

Упоминание носа стало ошибкой Ольги.

- После этого супа буратиного нос обязательно дорастёт.

Вымахает подлиннее твоего, - с издёвкой выпалил Баронет, - И будет у нас курс сплошных Буратин. Это, не иначе, знаменитый луковый суп по рецепту папы Карло. Хотя, может это рассольник по-колхозному, под названием «комбайн»?

Зал взорвался от хохота. Мозоленко за глаза все звали не иначе, как Буратиной, она об этом знала, и тут такой конфуз! Ольга в слезах убежала, а вместо несъедобного супа пришлось довольствоваться кашей и хлебом.

Не желаете ли согреться?

А потом внезапно наступил холод. Выйдя утром из здания клуба, Васька поначалу даже не понял, куда попал – всё вокруг ошетинилось бесчисленными нежными иголочками инея, белого и вездесущего как плесень. Провода стали похожи на новогодние гирлянды, а придорожные кусты – на белоснежные ёлки.

- Фу, гадость! – сморщила носик Ольга Арбузова, вышедшая на крыльцо вслед за Мошевым, - Как в этой параше картошку выискать?

- Бррр! – сморщилась она, засовывая ладони подмышки, - Зябко!

Потом заметила, что Васька на неё смотрит, фыркнула и, выпростав руки, задрав нос, побрела подальше. Отношение к Мошеву у неё с самого начала было не очень, причём, причину этого Васька понять так и не смог.

Но ещё больший сюрприз ждал ребят на поле. Не успели продрогшие студенты вывалиться из кузова, как к машине быстрым шагом подошёл куратор четвёртой группы Кузнецов. Честно говоря, Кузнецова Васька никак не мог запомнить в лицо. Был этот куратор каким-то безликим и неприметным, точно мешок с картошкой. Вот и сейчас Мошев не сразу понял, кто отирается около машины, даже вначале решил, что наконец-то на поле появился кто-то из колхозни-

ков.

- Здравствуйте. Вы это... не выгружайтесь пока, - голос у Кузнецова тоже был каким-то невнятным, к тому же он часто сбивался и делал паузы в самых неожиданных местах, - тут такое дело...

- Гольфстрим замёрз? – вылез с дежурной шуточкой Кусакин.

- Что? – удивился, видимо восприняв слова Баронета всерьёз, Кузнецов, - Какой ещё Гольфстрим? Кто... там у вас замёрз?

- У Кусакина ум замёрз, - пришёл на помощь Кузнецову, который никак не мог уразуметь, что над ним просто прикалываются и стоял с ошарашенным видом, староста Сергей, - лучше б, конечно, язык. И не замёрз, а отмёрз вовсе.

- А-а-а, шуточки! - Кузнецов просветлел лицом и слегка расслабился, - В общем, трактора... сегодня не будет. Трактор сломался.

- Ура-а-а! Значит, работа отменяется?! – с надеждой спросил Грошев.

В его словах было столько радости, что все невольно заулыбались. Все, кроме Кузнецова.

- Работа будет! – нахмурился он, - Сейчас пара человек поедет со мной. За вилами.

- Что ещё за вилы? – насторожился староста Сергей, - Что тут вилами можно сделать?

- Обычные вилы, - с неохотой промямлил Кузнецов, явно

желая уклониться от излишних вопросов, - будете ими выкапывать картофель из земли.

- Зашибись! – вырвалось у кого-то из задних рядов.

- Но-но! – взвился, услышав это, Кузнецов, - Попрошу без мата. А то быстро отправлю... из колхоза вон. И загремишь в армию как миленький.

- Да был я уже в армии, блин-на-фиг, - ответил ему тот, кто сказал «зашибись».

Даже не оглядываясь, Васька понял, что это Передеренко. «А я не знал, что Валентин служил, - подумал он, - по нему и не скажешь». Действительно, лицо у Валентина было совсем мальчишеским, да и по поводкам он не производил впечатление бывалого.

- Ну, просто отчислят. - проворчал Кузнецов угрюмо, - Староста, бери двоих и обратно... в машину! Остальные будут... ждать здесь.

- Я поеду? – полувопросительно, полуутвердительно пробормотал Блин-на-фиг и не дожидаясь реакции старосты, торопливо полез в кузов.

Наверное, Валентин после стычки с Кузнецовым намеревался показать своё рвение, чтобы задобрить куратора. Сергей староста спорить с ним не стал.

- Грушев, грузись, - скомандовал он.

- Грушев, грозись! – не преминул скаламбурить Кусакин, но никто даже не улыбнулся.

Пока выбранная тройка ездила за вилами, остальные ре-

бьята понуро слонялись, оставляя глянцевоы следы на заиндевелых грядках. Теплее не становилось, изо рта вырывались клубы пара, а воздух прилипал к лицу как мокрая холодная простыня, вызывая покалывание в щеках и постоянное желание вытереться. Кусакин предложил поиграть в снежки, но иной скатываться в шарик не хотел, только пачкал и морозил пальцы.

- Сейчас бы по сто грамм, - с тоской вздохнул деревенский Семёнов.

- Будет тебе сейчас, не сто, а тысяча граммов. – обрадовался реплике Баронет, - если не две тысячи с довеском. Вилы-то весят, ого-го!

Кусакин как в воду глядел – привезённые старостой вилы показалиcь непривыкшему к крестьянскому труду Ваське полуторапудовыми, не меньше. Вонзать их в твёрдый грунт у него ещё получалось, а вот вынуть вместе с землёй – уже с огромным трудом. И не у него одного – кроме Семёнова, который копал спокойно и ровно как ковш экскаватора, у остальных получалось немногим лучше, чем у Мошева. Ладони у Васьки налились тяжестью, предплечья ломило от напряжения, но он пока помалкивал – не хотелось показывать слабость перед ребятами и особенно, перед девчонками. Первым не выдержал Передеренко.

- Да ну, к чёрту! – смачно швырнул он вилы под ноги после получаса этой каторги, - так совсем без рук останемся, блинна-фиг. В конце концов, мы не кроты и не бульдозеры, блин-

на-фиг.

Ребята замерли на поле – ждали, как отреагируют на эту эскападу староста и комсорг. Но те предпочли отмолчаться.

- Эх, вы, слабаки! – презрительно скривила губы Бугирева, неприязненно разглядывая Блин-на-фига, который яростно тёр ладони, стараясь этими движениями унять в них боль, - Только ругаться умеете. Ни на что путнее не годитесь!

- А ты покажи класс! – взвился изобиженный этой резкостью Валентин, - Критиковать, блин-на-фиг, каждый может. Поковыряй этим дерьмом землю хоть минут пятнадцать, сама всё поймёшь, блин...

Он не договорил свою присказку, потому что Бугирева, приблизившись к нему, легко подняла с земли вилы. После чего без видимых усилий вонзила острия в землю и так же без проблем вынула грунт, с изяществом сбросила его и обернулась к Валентину.

- Один раз каждый сможет... - начал было Блин-на-фиг, но в этот момент Ирина сделала новый раскоп, и с той же непринуждённостью, словно ей это ничего не стоило.

- Вот, пусть Бугирева и копает. А я согласен собирать за ней, - подскочил к девушке Кусакин.

С первого взгляда было заметно, что копать он вовсе не может. Баронет тяжело и часто дышал, от лица его валил пар, волосы, несмотря на погоду, слиплись от пота.

- Эх, нам бы таких железных баб человек десять хотя б, - не смог Баронет удержаться от новой колкости. И момен-

тально пожалел об этом.

- Ползи отсюда, толстый. Сам давай, копай, порастряси свои накопления, - процедила Ирина, глаза её потемнели от гнева.

- Ну, вот, - с деланной покорностью отозвался Кусакин, похоже, готовый к подобному развитию событий, - меня только что оскорбили в лучших чувствах. Чем напрочь отбили всяческое желание работать.

И он картинно уселся на ведро, приняв позу памятника незаслуженно забытому герою.

- В общем, так, - наконец, подал голос комсорг Морозов, - копать будут все. Но при этом станем постоянно меняться. Покопал десять минут, отдай вилы товарищу. А сам отдыхай на лёгком труде, собирая картошку.

- Эй, Семёнов, - подключился к комсоргу староста, - покажи-ка нам, как правильно вилами работать. Будь другом.

До обеда первая группа в своём труде продвинулась слабо. Но, видимо, сходная ситуация наблюдалась и в остальных группах, потому что в столовой весь приём пищи висело мрачное молчание, слышался лишь дробный перестук ложек, да периодические кряхтения – от непривычной работы сводило мышцы. Вернувшись на поле, ребята совсем приуныли, потому что пошёл мокрый снег.

- Вот блин-на-фиг, как сказал бы один мой знакомый, - горестно и неудачно сострил Кусакин.

В этот момент из мглы набухла и материализовалась чья-

то чёрная фигура, неуверенно бредущая вдоль грядок. Это был куратор четвёртой группы Кузнецов. Выглядел Кузнецов неважнецки: нос полиловел до оттенка молодого баклажана и так же отвис книзу, глазки совсем спрятались в мешках. Плечи задраны вверх, руки по локоть утоплены в карманы, словом, куратор промёрз до костей.

«Неужели. я сейчас рисуюсь в такой же цветовой гамме?!» - с тоской подумал Васька. Но тут неожиданно выступил обычно бессловесный Грошев. И сразу попал в десяточку.

- Что, Игорь Владимирович, продрогли? – сочувственно спросил он куратора.

- Да, ещё как! - лязгнул зубами Кузнецов.

- Может, желаете согреться? – интимно понизил тон Грошев, при этом поглаживая ватник на груди, как бы намекая на выпивку.

Кузнецов непроизвольно облизнулся.

- А что, есть? – хрипло сказал он, глаза его сверкнули хищным блеском.

- Конечно! – уверенно сказал Грошев.

Он сделал шаг к куратору, сделал паузу и протянул ему вилы:

- Всего три-четыре раскопа, и будете как огурчик. Даже взмокните!

Вся группа грохнула в едином порыве. А Кузнецов, беззвучно захлопнув открывшийся от такой наглости рот, поспешил удалиться от греха.

- Учись острить, Кусакин! – выдал довольный Павел Морозов.

- Да Грош просто мысли мои считал, - нашёлся Баронет, подмигнув Грошеву.

Но тот лишь презрительно сплюнул себе под ноги, чем добавил веселья окружающим. Давно уже Кусакин не выглядел настолько беспомощно.

А ты молоток, ответственный!

После инцидента с приступом Пахомова руководство первой группы – староста и комсорг – начали сторониться ответственного за быт. Поначалу Васька полагал, это ему лишь кажется, и всё осталось по-прежнему, просто он устал и потому придумывает сам себе неизвестно что. Тем более что после холодов зарядили дожди, поле размокло, стало скользким как каток, и едва ли не каждый из ребят успел шлёпнуться в холодную грязь, а мыться сборщикам картофеля было принципиально негде. В клубе кроме двух кранов в уборных не оказалось ни единого источника воды. И даже в спортзале школы, где разместились вторая и четвёртая группы курса, душевых не было.

- Да что же это такое! - не выдержала как-то Ирина Бугирева, - Мы в этом чёртовом колхозе уже неделю, роемся в грязи как черви навозные, все изгадились, а помыться можно только из кружки! Скоро станем хуже свиней. Да уже стали!

Бугирева с отвращением рассматривала носки собственных грязных сапог, потом перевела пасмурный взгляд на сидевшего на ведре поблизости старосту.

- Верно говоришь, - торопливо поддержал Ирину Валентин-Блин-на-фиг, который всегда старался поддакнуть тем, кого считал авторитетом, а таковыми он полагал всех, кто умел в нужный момент повысить голос или просто говорить

грубо, - на чертей мы стали похожи.

И Передеренко сделал пару осторожных шажков к старосте, встав за спиной и чуть сбоку от Ирины. Видимо, намеревался показать Бугиревой свою поддержку.

- А что вы на меня уставились? – ощерился староста Сергей, - Вон, у нас Мошев ответственный за быт. А помыться – это бытовые проблемы. Пусть он и решает.

И староста уколол холодными глазами Ваську, на которого только что умело перевёл стрелки.

- Точно, - поддержал Сергея незаметно подошедший комсорг, - давно пора поставить перед куратором вопрос о помывке.

Васька почувствовал, как в него впиваются сразу несколько нелицеприятных и даже откровенно злых взглядов, в душе его шевельнулся страх, смешанный с отчаянием. Откуда взять душ в деревне он не мог и представить. Спасла Ваську от позора Бугирева, которая опять пришла к нему на подмогу:

- Да что Мошев может сделать? Он же не колхозник, такой же бедолага, как мы сами. Надо куратора трясти, а не Мошева, разве не понятно?!

- Так я и говорю, - мгновенно переориентировался староста, - пусть ответственный за быт с куратором потолкует о том, что мы где-то мыться должны. Это его зона ответственности.

- Конечно, его! – поддержал Сергея Павел Морозов и при-

обнял старосту за плечи.

Было видно, как ему не хочется взваливать на себя решение проблемы с помывкой. Проще спихнуть всё на Мошева.

- А ты, Бугирева, если хочешь, можешь с Васькой к куратору сходить, - с издёвочкой ввернул Валентин-Блин-на-фиг, присоединяясь к старосте с комсоргом.

Он чувствовал, что сила сейчас не на стороне Ирины и быстро переметнулся к большинству.

- А что ты думаешь, зассу как ты?! Конечно, схожу и всё ему выдам! – презрительно скривила губы в сторону Блин-на-фигу Бугирева. Она в выражениях никогда себя не сдерживала, могла и матом врезать в случае чего.

- Пошли, ответственный! – обратилась она к Ваське и, не дожидаясь его реакции, побрела прочь по направлению к деревне.

Все знали, что кураторы весь день проводят в одной из изб, где они квартировали. А на поле появляется только один из них – дежурный, так сказать. Сегодня дежурным был куратор третьей группы, грозный Северьян Рюрикович Яхонтов. Его узнавали издалека – по знаменитому вязаному кепа-рю. А также по могучему рыку, которым Северьян награждал каждого встретившегося студента, так как был твёрдо убеждён – все вокруг лодыри и без начальственного окрика никто работать не станет.

Яхонтов обнаружился почти сразу – стоял у обочины и какой-то палкой пытался очистить грязный сапог от налип-

шей глины.

- Эт что такое! – взревел он при виде нашей парочки, - А ну, марш обратно на поле. Работать кто будет?!

От гнева Северьяна Рюриковича Васька сбился с шага, ощутил, что краснеет, скоро примется оправдываться, а затем и вовсе пустится восвояси, поджав хвост. Но Бугирева ничуть не стушеввалась.

- Работать мы будем, не переживайте, - спокойно проговорила она, встав прямо перед куратором, - но, чтобы работа спорилась, необходимы условия. Мы же не в концлагере, в конце концов. Семь дней немытые ходим. Разве это дело?

- Какое такое мытьё? – решил включить дурочку Яхонтов, явно не готовый к тому, что его рык не подействовал должным образом, - Работать надо, а не о мытье каком-то думать!

Он всё ещё рассчитывал разрешить ситуацию привычным образом - задавить силовым способом намечающуюся фронду ещё в зародыше.

- Я хочу сказать, помыться бы после работы... - начал было Васька, некстати вспомнив про свои командирские обязанности, но почти сразу умолк под тяжёлым взором Северьяна, которым тот наградил ответственного за быт.

- Что ты там мямлишь! – поспешил добить оппонента Яхонтов, - Говорить сперва научись!

Он хорошо знал, как заставить замолчать таких вот застенчивых смутьянов. Но с Бугиревой его номер не прошёл.

- Ах, так? – повысила она голос в свою очередь, - Тогда мы

устроиваем забастовку. И немедленно сообщаем в деканат, ректорат и вообще, куда надо. Об отсутствии условий для труда. И об издевательствах над слабым полом отдельно.

- Да вы понюхайте, от меня уже псиной какой-то разит. А я – девушка! – подступила она ближе к куратору, размахивая сжатыми в кулаки руками.

Затем оттянула ватник на груди, словно намереваясь ткнуть кусок ткани Яхонтову в нос.

- Ладно, ладно, успокойтесь, - Северьян Рюрикович попятился, лицо его выразило смущение, особенно заметное от того, что подобное проявление чувств было ему явно несвойственно.

- Так что мы решили? – продолжила наступление Ирина,
- Когда и где будем мыться?

Судя по всему, она надеялась получить твёрдые гарантии и не собиралась ограничиваться пустыми обещаниями.

- Организую я вам баню, - с неохотой промямлил загнанный в угол Яхонтов.

- Когда?

- Завтра!

- Сегодня вечером. И точка! – рубанула рукой воздух Бугирева.

- Да-да, сегодня, - подключился к диалогу Васька.

Он ощущал досаду на себя, что не умеет так разговаривать с начальством и одновременно, любовался настырной Ириной.

- Семь дней прошло, имейте совесть, - выдала последний аргумент Бугирева.

- Ладно, - согласился Яхонтов, кривя лицо, будто съел что-то вонюче-невкусное, - только, чур, это касается лишь вашей группы. Остальным – молчок. Иначе, обещаю, никакой помывки не получите. Отведу вас в баню прямо после ужина. Так что из столовой никому не расходиться, если хотите быть чистыми.

- А как же полотенца, там? У нас же нет ничего с собой! – вдруг осенило Ваську, когда они с Ириной возвращались к ребятам.

Ирина замедлила шаг, посмотрела на Ваську и сказала:

- Дам я тебе полотенце.

Откуда она его возьмёт, Васька уточнять не стал. Только уважительно округлил глаза.

- А ты молоток, ответственный, - узнав о предстоящей бане, подвёл итог истории староста, - есть у тебя организаторский талант.

И Мошев снова ощутил себя на седьмом небе от счастья. О том, что всего добился не он, а Бугирева Васька благо-разумно упоминать не стал. Рассказал о договорённости с Яхонтовым так, в общем, не акцентируя внимание, кто и что конкретно говорил. Тем паче Ирина, вернувшись на поле, к старосте и вовсе подходить не стала. Принялась молча собирать картошку.

Три шишकारя

Во время ужина в столовую влетел запыхавшийся Траубах и с порога объявил:

- Первая группа в полном составе, задержитесь после приёма пищи. Кое-что надо обсудить.

Заранее предупреждённые, ребята из Васькиной группы удивление или возмущение странной задержкой не выказали, поняли, что так куратор создаёт дымовую завесу вокруг похода в баню. Зато возбудились студенты из остальных групп.

- Первая группа решила в полном составе уйти в ночное! – провозгласил кто-то со смешком.

- Не, их шмонать будут. Проверять, много ли картошки унесли в карманах и за пазухой с колхозного поля, - ответил ему другой голос, - картофель – это же наша главная ценность!

- Дурачье, они дежурить будут. Склад с картошкой охранять от студентов с других факультетов. Чтобы те нашу работу не прикарманили. А завтра вторая группа заступит на вахту, - подключился к обмену шуточками Игорь Боровиков, - послезавтра – третья...

- У нас просто собрание. Доклад ответственного за быт о высоких бытовых достижениях, - не утерпел и выступил Ку-сакин, но сразу прикусил язык под пристальными взглядами

Траубаха и остальных членов группы.

- Вторая, третья и четвёртая группы, на выход, - скомандовал Шкафчик, - не задерживайтесь, ваши кураторы уже ждут. Завтра подъём ранний, работу никто не отменял.

Когда в столовой остались лишь представители первой группы, Трах-Бах, конспиративно понизив тон, проговорил:

- Значит, так. Мыться будете в бане у дома, где штаб. Ну, там, где живут кураторы. Баньку вам Северьян Рюрикович уже истопил самолично, он в этом толк знает. Баня небольшая, поэтому заходить туда будете порциями. Сначала девочки, потом остальные. Тех, чья очередь мыться, я буду отводить к месту сам. Остальные – сидите здесь, и чтобы как мыши! Те, кто помылся, тоже возвращаются в столовую. Потом все вместе уедете в клуб. Староста, сможете сами организовать, разбиться на группки человек по 5-7 или даже на это ума не хватит?

Последние слова Шкафчик произнёс ядовитым голосом, видно, злился, что студенты добились своего через голову куратора.

- Справимся сами, Владимир Николаевич, - поспешил вставить комсорг Морозов. Староста кивнул с важным видом.

Когда Трах-Бах с девочками удалились, вперёд вылез Кусакин:

- Чур, я первым в баню иду!

- А почему это ты, блин на фиг?! – обиженно откликнулся

Валентин Передеренко, - Я тоже помыться хочу нормально. А то последним пара уже не достанется. Давайте тогда жребий тянуть, блин на фиг.

- Никаких жребиев, - рубанул ладонью воздух староста, - сделаем так, Василий баньку нам организовал, он и распределит всех по справедливости. К тому же он ответственный за быт.

- Идёт? – развернулся он к Ваське.

Тот согласно мотнул головой, ощущая, как краска опять заливает щёки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.